

Анна Чайковская

ГЛАМУР

О том, к чему приводит желание быть
самой красивой...

Анна Чайковская

**Гламур. О том, к чему приводит
желание быть самой красивой...**

«Издательские решения»

Чайковская А. А.

Гламур. О том, к чему приводит желание быть самой красивой... /
А. А. Чайковская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839013-5

Красавица Катя живет с бизнесменом Вадимом исключительно ради денег и уверенности в завтрашнем дне. Маша, отчаявшись завоевать искреннюю любовь своего жениха Глеба, решается на пластическую операцию. Лимитчица Вика, не желая возвращаться в родную деревню, всеми силами пытается отвоевать свое место под солнцем.

ISBN 978-5-44-839013-5

© Чайковская А. А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
1	7
2	11
3	15
4	20
5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Гламур
О том, к чему приводит желание
быть самой красивой...

Анна Александровна Чайковская

© Анна Александровна Чайковская, 2017

ISBN 978-5-4483-9013-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Город N как две капли воды похож на все другие провинциальные российские города. Если смотреть на него сверху, с высоты птичьего полета, в глаза бросаются лишь однообразные ряды серых коробок типовых панельных домов. И лишь изредка среди них, как диковинные башни, вырастают ввысь новенькие небоскребы бизнес-центров, переливающиеся на солнце стеклянным блеском.

Весь город исчерчен широкими проспектами. По ним катят машины, самые разные машины. И древние жигули, и тонированные черные внедорожники, и старенькие иномарки, и представительские седаны.

Вообще, машин много, очень много. Ими заставлены все дворы и тротуары, и многие, отчаявшись найти парковочное место, бросают своих железных коней прямо вдоль обочин. N не был спроектирован под такое количество машин.

По утрам весь город кипит. На остановках не продохнуть: из спальных районов люди едут на работу в центр. Метро нет, и в целом, транспорт налажен плохо. Люди толкаются, пихают друг друга, нередко перепалки и даже драки.

На новеньких джипах подъезжают к своим офисам бизнесмены. По подмерзшим лужам чешут на высоченных каблуках их длинноногие секретарши, чтобы потом ловить своих толстых шефов на живца в виде призывно выставленной в разрезе юбки резинки чулок и приторных духов.

Ближе к обеду подтягиваются в торговые центры, фитнес-клубы и салоны красоты их праздные жены и великовозрастные неработающие дочери.

В общем, все как везде.

1

Катя живет в элитном коттеджном поселке города N уже почти два года. В этот закрытый мир девушка из бедной семьи попала исключительно благодаря своей молодости и красоте. Вадик, соучредитель крупной фирмы, запал на нее с первого взгляда, а беременность и рождение сына Родиона закрепили успех.

И вот, она живет в этом трехэтажном особняке, а на кофе заходит к Марии, дочери...? Чем там Машин отец занимается? Вылетело из головы, но богат он просто до неприличия, до такой степени, что сам Вадик по сравнению с ним мелкий служащий.

А вот с внешностью не повезло Машке. Чего только девка не делает, чтобы выглядеть прилично: уколы, процедуры, наращивание всего, чего только можно. Катя мысленно вызывает в памяти образ подруги: длинное вытянутое лицо («ну просто яйцо!» – хихикает про себя Катя), нос крючком, маленькие глазки в кучку... Даже не вспомнить какого цвета... Губы были как нитка раньше – подколола.

На самом деле переколола, но это ее не спасло. Лицо какое-то кривое, скулы плоские и невнятные. Она это пытается исправить филлерами. Дурочка! Красивой либо рождаешься, либо смиришься! Вот у нее, Кати, все свое! И огромные голубые глаза, и высокая грудь, и пышные волосы натурального цвета «пшеничный блонд». Ну, губы увеличила, конечно, но это скорее дань моде, пропуск в тусовку.

Катя самозабвенно крутится перед зеркалом. Уж что-что, а это ей всегда доставляло неподдельное удовольствие. Она обожает пробовать новые прически, наносить сложный макияж и подбирать наряды. Кто-то, быть может, посчитал бы, что на каждый день Катерина наряжается слишком вычурно. Ну что ж! Это только их проблемы. Пусть тетки завидуют молча. И так серость кругом. А у нее каждый день – праздник!

Катя стягивает волосы в высокий хвост на затылке, рисует на глазках стрелочки, выделяет румянами пухлые щечки. Просто куколка! Так, пройтись блеском, побрызгаться духами. Все, Иван ждет!

Катя выходит на крыльцо, машина с водителем готова. Белая норковая шубка выделяется в темноте, светло-бежевых замшевых сапожек еще не касалась уличная грязь. А кругом темень, слякоть, распутица. Не дай Бог в такую погоду идти пешком!

За окном мелькают то нарядные ярко освещенные кварталы, то глухие дворики спальных районов. Когда-то и Катя жила в одном из этих ветхих бараков, до сих пор там живут ее родители и младшая сестра... Все это было так давно и как будто в другой жизни.

А сейчас: просторная парковка заставлена сверкающими дорогами автомобилями, новенький фитнес-клуб призывно переливается блеском стекла и металла, и отовсюду слышен оживленный щебет нарядных дев, шелест их шубок и призывный стук каблучков. И она, Катя, здесь ничуть не хуже других.

Иван предусмотрительно провожает хозяйку до самой раздевалки, Катерина переодевается в спортивную одежду, которая по своему дизайну и стоимости ничуть не уступает иным вечерним платьям, не забывает кинуть дежурный взгляд в зеркало и отдается тяжелому, но приятному занятию целиком.

Катя увлеклась тренировками после родов, не то что бы они были так уж необходимы, но природное стремление к совершенству взяло свое. Довольно быстро согнала лишнее, а потом втянулась. Она любила свое тело и все, что было с ним связано, ей доставляла неподдельное удовольствие упругость мышц и почти фантастическая гладкость кожи, какая бывает лишь в 20 лет. В фитнес-клубе образовалась своя тусовка, девушки соревновались друг с другом, а конкуренция всегда добавляет остроты ощущениям.

Вот и сейчас Катя хоть и выкладывается на все сто, не щадя себя, но и по сторонам смотреть не забывает. Зал не переполнен, клуб все же претендует на статус элитного, но тут есть на кого посмотреть и кому себя показать.

Вон банкир К. наконец привел свою корову. Тут вряд ли можно помочь, поздно пить боржоми, когда печень отказала.

А там молоденькая дочка Р. Не рановато ли она себе силикон вставила? И как ей теперь заниматься с этим, откровенно халтурит же.

Она из восточных, армянка, они созревают быстро, небось и жениха папаня уже присмотрел. Поэтому и силикон... Катя тихонько вздыхает про себя. Если честно, это большая тема. Ведь она бы и сама не прочь, а очень даже за... Вот только Вадик... Заладил, что его все устраивает и хоть кол на голове теши. А на самом деле денег ему жалко, жмоту, уж Катя-то знает.

И проносятся, и проносятся в голове мысли, высокий хвост из светлых волос мотается туда-сюда, Катерина успевает несколько раз хорошенько пропотеть. Но она прекрасно знает: она и сейчас чудо как хороша, даже потная, уставшая и растрепанная. А еще после хорошей тренировки у нее в глазах появляется особый блеск.

Выложившись по полной программе, приняв освежающий душ, Катя долго в блаженном состоянии сидит в фитнес-баре, потягивая свежавыжатый сок. Эти минуты она любит больше всего. В теле одновременно и легкость, и ноющая усталость, голова свободна от всего лишнего.

Например, можно не думать о том, что где-то там мать с отцом собирают по копейке сестре на учебу. Большая тема, но ведь Катя не виновата, не в ее силах заставить Вадика содержать еще и ее родных, спасибо и на том, что они с Родионом ни в чем не нуждаются. Нет, она из этого дерьма выплыла, сделала все, что могла, а они уж пусть как-нибудь сами. В конце концов, что она может?

Глаза привычно ощупывают всех, кто в радиусе нескольких метров. Не имея ни малейшей склонности к однополю любви, Катя, тем не менее, просто обожает рассматривать других девушек. Мужчины-то ей интересны мало. А вот девушки... Тут просто пир глазам. Катя отмечает все: фигуры, прически, макияж, ну и, конечно, экипировку: обувь, сумку, одежду.

Да, именно в таком порядке. Катя считает, что обувь в наряде – главное, фундамент, так сказать, основа основ. Правда, на одной дорогой паре обуви и брендовой сумке далеко не уедешь. Плавали, знаем, развелось в последнее время много таких продуманных, которые, желая сойти за свою в обеспеченной тусовке, делают ставку на дорогущую, откровенно брендовую сумку.

Да только Катю не проведешь: даже если сумка не окажется качественной подделкой, что чаще всего и происходит, то прочие детали туалета выдадут хозяйку с головой. Маникюр, волосы, состояние кожи, даже случайно выглянувшая бретелька от бюстгалтера расскажут о незнакомой девушке все, хочет она того или нет.

Стоит ли говорить, что дорогой должна быть не только сумка, дорогими должны быть и колготки, и брелок на ключнице, и зажигалка. Таких Катя называет холеными. Но их мало. Все больше куриц с кричащими за версту сумками, которых Катерина про себя презрительно окрестила «нищенки с претензией». Среди молодых девушек, естественно. Среди взрослых теток полно упакованных, но они Кате не интересны: проигрывают юности и свежести по умолчанию. А чтобы и молодость, и красота, и шик – таких мало, очень мало, единицы. Даже здесь, в элитном фитнес-клубе.

Вот и сейчас взгляд откровенно зацепился за интересную девушку: выющиеся крутыми кольцами рыжие волосы чуть ниже плеч, модельная, сухая худоба, длинные ноги. Видно занимается недавно, еще не успела нагулять мышечную массу. Из таких, от природы сухошавых, лепятся самые шикарные фигуры. И такие всегда в выигрыше, а она, Катя, со своей склонно-

стью к женственным формам, да еще и после родов, вынуждена отказывать себе в лишнем куске, чтобы оставаться тонкой и звонкой.

Хорош бриллиант, ничего не скажешь, а оправка как всегда подкачала. Сумка даже не копия, паленка откровенная, девка совершенно не сечет тему. Сапоги стоптаны, явно ходит пешком. Дешевые наращенные ногти. В общем, с этой все ясно, дальше можно не рассматривать, не нашего полета птица, хоть и красивая. Стоп... Что-то царапает, глаз, что-то там до боли знакомое мелькнуло...

Катя изо всех сил напрягает зрение, крутит головой на 360 градусов, силясь понять что, что же ее так зацепило... Господи! Спутник девицы в знакомой куртке, двигается характерно, с утрированной резкостью... Да это же Глеб, Машкин жених! Вот это финт! Что он здесь делает без Машки, а главное с этой странной девицей, которая явно попала сюда с улицы!?

Катя замирает, затаив дыхание, невольно отворачивая лицо в сторону, хотя в этом и нет никакой необходимости. Глеб ее явно в упор не видит, он полностью поглощен своей спутницей. Оживленный разговор, проникновенный взгляд, он галантно целует ей руку... да все более чем ясно, но Катя любит убедиться наверняка.

Дождавшись того момента, когда Глеб элегантно подает девушке пальто, Катя незаметно (оказывается она и так умеет, кто бы мог подумать!) мышкой шныряет за парочкой на выход. Да в ней погиб сыщик! Натянув на голову капюшон спортивной толстовки и старательно пялясь в телефон, она даже без труда перехватывает фрагмент разговора, в котором фигурируют недвусмысленные кошечки и зайки. Естественно, они садятся в машину Глеба и уезжают на ней в неизвестном направлении, скорее всего к «зайке» домой.

По пути в поселок Катерина была так переполнена эмоциями, что казалось, вот-вот лопнет. Хотела уже выложить все Ивану. В последний момент усилием воли сказала себе: нет. Ты еще не решила, что с этим делать. А смаковать Машино унижение с шофером – это некрасиво, как-то подло.

Но Глеб-то каков, а! Не побоялся заехать за этой мамзелью в фитнес-клуб, да еще всячески афишировал свои с ней близкие отношения! Пусть Машка в последнее время стала затворницей, почти не выходит, а фитнесом и ранее не увлекалась (и зря, очень зря!), но неужели этому слабоумному не пришло в голову, что он встретит знакомых!? Объяснение только одно: у него реально снесло крышу от этой девки. Как в свое время у Вадика от Кати. Тот тоже не боялся ни первой жены, ни родственников, ни черта в ступе! А если так, то... бедная Маша!

Дома Катя приняла освежающий душ, уже в третий раз за день. Ничего, лишняя гигиена не помешает. Два года прошло, а Катя до сих пор вздрагивает, вспоминая, как грела на плите кастрюльки с холодной водой. Горячей у них в бараке не было. А тут тебе и душевая кабина, и просторная ванна, и даже джакузи. Еще бассейн бы домашний обустроить и сауну, как у Машки, совсем хорошо было бы. И пусть говорят, что к хорошему привыкают быстро, она, Катя, каждый день наслаждается благами коттеджа как в первый раз.

Накидывает халат, тихонько крадется в спальню. Хоть бы Вадик уже спал. У него сегодня вроде как был тяжелый день. Но из-под двери спальни предательски выглядывает полоска света.

Едва зайдя в комнату, Катя угадывает, что муж не в настроении. На толстой шее туда-сюда ходят желваки, вены на лбу вздулись, и даже лысина, всегда казавшаяся Кате забавной и немного жалкой, выглядит угрожающе. Нет, не ошиблась, сейчас начнется... Катя замирает как провинившаяся школьница.

– Катерина, где ты шлялась?

(Принял на грудь, явно. Ну все...)

– Вадичек, но я же тебе говорила, я в тренажерный зал хожу по этим дням, я же хочу хорошо выглядеть, тебя радовать...

– Вечером? В девять вечера ты в тренажерку потащишься?

– Вадичек, но я хожу к восьми. Ты же знаешь, я люблю вечером заниматься, я тогда...

– Какого хрена, какого ..., я тебя спрашиваю, я прихожу домой, а моя жена где-то торчит до ночи!??? Ребенок орет, прислуга сама по себе шлындает, а она шляется неизвестно где! Ты вообще кто – жена и мать или шалава малолетняя, которая шастает по ночам?

(Ну козел, ну это уж слишком! Катя закусывает губу, чтобы сдержаться. Ясно, что-то у него сегодня крупно не заладилось на работе).

– Вадик, за что, ну за что ты меня обижаешь? Ты же знаешь, что ты мой первый и единственный мужчина, что я тебе плохого сделала?

– Прости, Катюша. Конечно, я знаю, ты у меня хорошая девочка, но пойми, это я про тебя знаю, а люди – сволочи, будут потом разговоры, что мол, у Вадима рога уже потолок царапают. Приличная жена должна сидеть дома. Я хочу приходиться с работы и чтоб ты меня встречала, как нормальная, и ребенка чтоб смотрела, почему он на няnek брошен? Что ты за мать? Он тебя скоро узнавать перестанет.

(Все, оседлал любимого конька. Катя плохая мать, не хозяйка, и вообще легкомысленная. Ну как, как он не понимает: не может она в двадцать лет сутками сидеть дома! Как ему это объяснить!?)

– В общем, Катерина, я все сказал. Чтоб больше никаких шляний по вечерам. Решай свои вопросы утром и днем.

Да, такие дела, тут и возразить нечего. Как сказал, так и будет. Придется Кате пересидеть дома какое-то время, раз ему шлея под хвост попала. Потом, может, забудет, передумает. Как все-таки тяжело себе не принадлежать! И придется оправдываться перед Машкой, что она не может вечерком посидеть в кафе... Впрочем, Машка сама в полной заднице.

Выключили свет, молча легли, Катя уже свернулась калачиком, недовольно сопя и готовясь отойти ко сну, как руки Вадика бесцеремонно перевернули ее и притянули к себе. Козел озабоченный, как же надоел!

2

Раз в полгода Катя ходит к косметологу подкалывать губы. Сегодня как раз такой день. Проснулась Катерина в состоянии полной разбитости. Подвыпивший Вадик промурыжил ее час, наверное, без всякого результата. В конце концов, отчаявшись достичь кульминации, отвернулся и захрапел. А к Кате уже сон и не шел.

Встать пришлось рано, ни свет, ни заря просто, аж в восемь (!!!) часов утра. К косметологу она записана на десять, а надо еще позавтракать, собраться, доехать до центра.

Катя залпом выпивает на кухне кофе, галопом бежит в душ. За это время домработница как раз успевает приготовить ей на завтрак ее любимую овсянку с орехами и кусочками фруктов. Катя – поклонница здорового образа жизни и здорового питания. Потому у нее и кожа идеальная, ни одного прыщика. И фигура загляденье, это после родов-то!

Машка вот жрет всякую гадость. Булки, чипсы, шоколадки. А потом живет у косметолога. Сколько раз Катя пыталась объяснить подруге, мол, питаться надо правильно, мы – то, что мы едим. Куда там! Маша предпочитает выкидывать деньги на дорогушие уколы и маски.

Маша... Перед глазами незамедлительно встает вчерашняя картина: Глеб, ужом вьющийся вокруг высокой рыжей девицы. Ну и жук! Чего уж там, Катя догадывалась, что он не так прост, как кажется. И любовь его к Маше всегда была уж слишком показушной. Козел. Но что с этим делать? Весь мозг сломаешь, пока найдешь верное решение.

Катя ведь не маленькая, прекрасно понимает, что влезать в отношения двух взрослых людей – чревато. Они потом помиряются, а она крайней останется. Подругу потеряет, к сожалению, на данный момент – единственную. И вообще, жалко Машку, аж сердце сжимается. Она-то этому козлу целиком и полностью доверяет, верит в его театр одного актера. А тут Катя со своими откровениями...

М-да, ситуация. Катя уже на ходу глотает остатки овсянки, запивая все это дело свежесжатым соком. Да она сейчас в салон опоздает, если будет так зависать на ходу! Ладно, как говорили в каком-то старом фильме, «я подумаю об этом завтра». Смысл сейчас голову ломать.

В салоне красоты Катю уже ждали, встретили как дорогого гостя. Осыпали приветствиями и комплиментами. Помогли снять белую шубку, напоили изысканным чайным напитком, предложили журналы, пока косметолог готовится. Вот это сервис!

Для наивной Кати такие вещи до сих пор в диковинку. Ей невдомек, что так встречают клиентов в любом дорогом салоне красоты. Ей кажется, что это все – только для нее, для нее одной и больше никому такие почести не полагаются. Ах да, они же еще знают, что она – Машина подруга. А Машиним друзьям везде – почет и уважение.

В кабинете косметолога Катя привычно съезживается. Ох, сейчас ей будет больно! Ну почему, почему-у-у девушкам приходится столько всего терпеть ради красоты? Какие же болючие все эти процедуры! Или это она, Катя, такая чувствительная? Машке вон хоть бы хны.

Пока смуглая черноволосая девушка в белом халате возится со своими препаратами и пыточными инструментами, Катя, чтобы хоть как-то отвлечься и успокоиться, воровато достает из лежащей неподалеку сумки айфон и ловит в зеркале свое испуганное отражение. А что, отличный кадр для Инстаграма! И подпись: «Качаю губкиXXX))))».

...Наконец, все позади. Катя, лишь отдаленно похожая на себя, с распухшим ртом в поллица, постанывая от боли, измученная так, как будто всю ночь разгружала вагоны, ковыляет к машине. Водитель Иван смотрит на нее как на инопланетянку, впрочем, от комментариев предпочитает воздержаться. Вышколен. Вадикова школа.

Сегодня она, естественно, никуда больше не пойдет. Отек продлится еще сутки, и это время придется пересидеть дома. Зато уже завтра будет шик, блеск, красота! Соблазнительные

пухлые губки, как у супермодели Адрианы Лимы. И без всякого перебора. Такие пельмени, как у Машки, ей ни к чему. Она, Катя, в отличие от своей несчастной подружки, знает, что такое чувство меры.

Машина мчится по позднеосеннему городу, морозящий дождь расчерчивает пространство косыми стрелами. Такая промозглая, противная погода. Съездившиеся люди спешат, прикрывшись зонтами и капюшонами, не глядя ни под ноги, ни по сторонам, лишь бы поскорее попасть в тепло. Катя же упивается тем, что она сидит в просторном уютном салоне внедорожника, что ее везет профессиональный водитель, плавно объезжающий все ямки и кочки, чтобы хозяйку, не дай бог, не растрясло и не укачало, в общем, жизнь удалась! Подумаешь, Вадик толстый, лысый и противный. Мужчина и должен быть чуть красивей обезьяны. А вот топала бы она сейчас по лужам... Не приведи господь.

...Дома Катерину уже ждет горячий обед, заботливо приготовленный домработницей. Есть Кате сложно, шевелить отеками губами неважно, поклевала вкуснейшее рагу и попросила сделать чаю с вареньем. Тяжело, ох и тяжело, этот первый день после процедуры всегда – ад для нее.

Чтобы отвлечься от боли и противного чувства распирания в губах, Катя открывает любимый Инстаграм. Надо же, ее пост из косметологического кабинета уже набрал двадцать лайков! А предыдущий, с коралловой сумкой от Диор – все пятьдесят шесть.

Соцсети – это Катина все. Лишенная в повседневной жизни широкого круга общения, на виртуальных просторах Катерина наверстывает упущенное сполна. Compliments незнакомых мужчин, зависть девушек, восхищенно-недоверчивые расспросы школьниц возраста ее младшей сестры Лерки («Эти туфли стоят сто тысяч? Правда??») о ее совершенно фантастической для них жизни – все это не только приятно грело ее тщеславие. Нет, все эти комментарии давали ей куда большее. Они делали ее жизнь наполненной событиями и эмоциями.

Чего ей только не писали! «Вылитая Катрин Денев в молодости, в фильме «Дневная красавица!» «Какая необычная, благородная и вместе с тем яркая внешность!» «Ангельская, неземная, инопланетно-прекрасная.» И это только так, навскидку.

Конечно, была в этой бочке меда и ложка дегтя. Женская зависть – страшная вещь. Вот и сегодня какая-то Елена П. написала под ее фото с коралловой сумкой: «Кичиться брендами и выпячивать достаток – удел плебеев и нуворишей». Эва как завернула, «Елена П.». Конечно, к Катиной внешности при всем желании не придерешься, только и остается, что писать всякий заумный бред.

Впрочем, и Катя не тушует. «Елена П., а я ничего не выпячиваю. Это мой образ жизни». Отправить. «Елена П., завидуй молча, кошелка». Отправить.

«Катюша, такая привлекательная девушка, а рот – как помойка. Некрасиво».

«Елена П., помойка – твоя жизнь».

«Фу-у-у, девушка, вы выражаетесь как шпана „на раене“. Отвратительно. Ваша внешность обманчива».

(А это уже кто-то другой, подтягивает. Но Катю так легко не проймешь, она неплохо поднаторела в интернет-перепалках).

«Не вижу смысла быть вежливой и милой с теми, кто несет бред и неприкрыто мне завидует. Уверена, будь у этой Елены П. хоть ОДНА брендовая вещь, мы бы ее здесь уже видели во всех ракурсах».

«Екатерина, с чего вы взяли, что у меня брендовых вещей НЕТ? Только потому, что я не выставляю, подобно вам, все свои шубы, машины, поездки? Просто мне хватает ума и такта не афишировать свой достаток в стране, где многим на хлеб едва хватает. Это дурной тон».

«Елена П., эта сумка – не такая уж и дорогая, чтоб ты знала. Я ж не выставляю Биркин и Верту. Если тебе не хватает на хлеб – сочувствую. Но на своей странице я буду выставлять, что захочу и когда захочу. И никакая шавка мне указывать не будет».

«Екатерина, мои предположения про нуворишей и плебеев, увы, оказались правдой. Жаль, вы красивая девушка, но такая глупая».

«Слышишь ты, сильно умная, какого... тогда торчишь на моей странице и оскорбляешь!? Здесь правила устанавливаю я, не нравится – свободна!»

«Катерина, ну вы уже, правда, перегибаете палку. Девушка вам ничего такого уж плохого не написала, а вы хамите».

«Да малолетка она, ничего слаще морковки сроду не ела, а тут сцепила папика – как не похвастаться. Правильно Елена все написала. Действительно обеспеченные люди, с детства имевшие доступ к деньгам, так не делают. А эта – из грязи в князи».

«Ага-ага, насосала на сумку и с катушек слетела. А машина-то, кстати, б/у, хоть и понтовая. Противотуманки образца 2010-го года, ахахах))))))»

«Ну так, и ездит в Доминикану отдыхать, нет чтоб на Мальдивы, Сейшелы там, Ямайку».

Катя стискивает зубы от злости. Отекшие губы отзываются противной ноющей болью.

«Лохушки, где вы этого всего понабрались? В книжках про красивую жизнь вычитали? Да ни одной из вас даже во сне не приснится такой уровень жизни как у меня! Сами-то в Крым по старинке катаетесь да на троллейбусе рассекаете? Не забудьте проездной на следующую декаду купить!»

«Ахахах, ты посмотри как бесится, наша богачка)))))) шас пена изо рта пойдет))))))»

«Девушка, я отдыхаю в таких местах, что это ВАМ как раз-таки и не снилось. И езжу на машине, которая стоит как три ваших машины. Но никогда не позволю себе унижать людей, которые, по каким-то причинам, менее хорошо устроены в жизни, чем я, и дразнить их своим достатком. Это мерзко. Мерзко. Какой пример вы подаете юным девочкам?»

«Елена П., я так и поняла, ага-ага. А еще, у тебя частный самолет и муж – арабский шейх. П... здеть – не мешки ворочать».

«Фу-у-у-у, она еще и матерится как сапожник. Все, отписываюсь, впечатление совершенно испорчено. И правда, какая-то плебейка черноротая».

«Скатертью дорожка, у меня и так подписчиков столько, сколько у тебя за всю жизнь не будет, лохушка!»

Катя дубасит по клавиатуре яростно, неистово, как в последний раз, кажется, вот-вот пойдет пар. Ей просто жизненно важно ответить каждой, каждой указать на ее место!

«ПодпиЩиков??? Девочки, я не могу, она еще и безграмотная!!!»

«Конечно, надо же на машины и сумки насасывать, какая уж тут грамота))) Трудится девчонка не покладая рук, точнее ГУБ))))))»

Вот черт! Забыла проверить правописание, а эти и накинулись, как собаки на кость!

«Эй ты, засунь себе свою грамотность в свою вонючую дырку! Я в отличие от тебя офисной подстилкой не работаю!»

«Батрачьте дальше в своем душном офисе, неудачницы!»

«Желаю к лету скопить на поездку к морю, нищобродки!»

Отправить. Отправить. Отправить. У-у-у-ф, вывели ее стервы на эмоции. Катя тяжело дышит, щеки пылают. Кажется, она вот-вот взорвется и разлетится по всей комнате мелкими раскаленными кусочками.

Звонок телефона застал ее, как никогда, врасплох. Катя стремительно хватает трубку и орет: «ДА!», даже не посмотрев, кто это. Между тем, на проводе – Маша.

– Катька, ты чего такая возбужденная? Я тебе там не помешала, случайно?

Машин голос звучит, как всегда, слегка высокомерно и отстраненно, как будто издали. Но Катя привыкла, это у подруги просто манера разговаривать такая.

– Ой, Маш, тут такое! Ты представляешь, на меня в Инстаграме накинулись какие-то клуши за то, что я видите ли выставила фото с дорогой сумкой, и давай меня склонять на все

лады, что я насосала и все такое... Ну и я конечно в долгу не осталась, высказала все, что я думаю про этих неудачниц!

– И всего-то? Эх, Катька, мне бы твои проблемы! Какой ты еще ребенок все-таки.

(Ох уж этот Машин покровительственный тон! У нее-то самой что за проблемы интересно, у богатенькой Буратино, живущей на всем готовом?)

– Маш, ну неприятно все равно. Ну что я им сделала плохого-то, чтобы так меня полоскать?

– Да просто забей. Думаешь, мне гадостей в инете никогда не писали? Завидуют люди, разве непонятно, что ты молодая, красивая, не работаешь. Игнор и только игнор.

– Игнор?

– Ну да. Или ты собираешься целыми днями теперь сидеть и отвечать на этот бред, что они пишут? Так ты их только раззадоришь. Вот взяла, прямо сейчас закрыла этот долбанный Инстаграм и выкинула из головы все, что эти курицы тебе понаписывали.

Катя в который уже раз удивляется про себя: какая же у нее подруга все-таки умная! Вот так сказала, как отрезала, и сразу все в голове прояснилось. И в самом деле, чего это она распереживалась из-за каких-то дур?

– Ты, Кать, лучше ко мне заходи, посидим, поболтаем, давно не виделись.

Эх, она бы, Катя, с удовольствием. С превеликим удовольствием. Да только на часах уже шесть. Через час-другой припрется Вадик, только вчера наказавший ей сидеть дома как «примерной жене и матери». Черт. Черт! Шас еще на ходу какое-то оправдание надо сочинить, почему Катя не может зайти вечером к лучшей подруге.

От досады Катя аж прикусывает раздутую губу, и тут же тихонько всхлипывает от боли. Ну что за дурацкий день! Все у нее сегодня через одно место!

– Маш, сегодня не могу, никак, Родион что-то капризничает, приболел что ли. Но я к тебе обязательно зайду на днях, давай завтра в обед, ты как?

К завтрашнему дню спадет противный отек и Вадик днем ее не хватится. Только у Машки ведь по-любому завтра будут какие-то дела... Закон подлости.

...Но дел у Маши никаких не оказалось. Вообще, Катя заметила, что подруга в последнее время буквально носа из дому не показывает, сидит и сидит сиднем в своем особняке. С чего бы это? Странно.

Договорившись встретиться завтра и торопливо скомкав разговор, чтобы подруга не догадалась о настоящей причине ее нежелания прийти сегодня, Катя положила трубку. И – как только из динамика раздалась характерные короткие гудки – в голову полезли мысли о неприятной ситуации с Глебом, про которую она совсем забыла. Вот проклятие!

3

Собираясь на следующий день в гости к подруге, Катя долго ломала голову: что надеть? Маша еще та хвастунишка, дразнит Катю такими эксклюзивами, что у той аж дух захватывает. Не хотелось бы выглядеть рядом с ней бедной родственницей.

Но еще хуже будет, если подруга подумает, будто Катя наряжалась специально. Много чести. Значит надо что-то повседневное, но дорогое и узнаваемое. Полуспортивный костюмчик, какими пестрит весь интернет, кроссовки на небольшой танкетке, сверху итальянская куртка. Простенько и со вкусом. Волосы тщательно разглажены плойкой-утюжком.

Погода на улице откровенно плохая. Хоть Маша и живет тут в двух шагах, по-хорошему надо бы на машине. А почему-то хочется пойти пешком. Наверное, чтобы собраться с мыслями.

По дороге Катя как раз успевает обдумать важный вопрос: говорить ли Маше про Глеба с кудрявой девицей. Молчать вроде как подленько. Маша, какая бы она противная порой не была, ее единственная подруга в этом поселке. Обидно, но за свою Катю здесь так и не признали.

Для здешних дамочек она – выскочка, плебейка, и вообще – не их круга. Их наметанный глаз в два счета определил, что ее папа – скорее всего водитель автобуса, а мама – медсестра. Ну или папа – рабочий на заводе, а мама – воспитатель в детском саду. А может быть ее родители – и вовсе какие-нибудь дворники или санитары. Не суть. Не снизойдут они до нее, тоже мне аристократки в десятом поколении. Препные же подруги с рабочих окраин не нужны и неинтересны самой Кате.

А вот Маша отнеслась к ней душевно, сама дочь богатых родителей, но повела себя как человек. Помогла Кате слегка пообтесаться, подсказала, где одеться, в каком салоне лучше обслуживаться, в какой фитнес-клуб ходить, как вести себя в ресторанах. Стыдно вспоминать, но Катя была деревня деревней. Не у Вадика же спрашивать, что надеть на ужин с его партнерами и как правильно держать столовые приборы. Тут новая подруга не раз приходила Кате на помощь, а потом оказалось, что у них много общих интересов и всегда есть о чем поболтать.

В общем, совесть не позволяет промолчать теперь, когда в беду попала Маша. Но ведь она это вчера уже обдумывала. Скажет ли ей Маша спасибо за такую правду? Хочет ли она ее услышать? Нет, тут надо как-то намекнуть, но оставить подруге возможность самой решать, что с этим делать. Оно, конечно, очевидно, что та девица – любовница Глеба.

Но Маше можно просто невзначай сообщить, что видела Глеба с какой-то девушкой, может родственницей? Посетовать, что Глеб совсем заработался, даже ее, Катю, не заметил и не поздоровался. А там уже пусть подруга сама решает, выяснять ли правду или закрыть глаза на все. Вот, ловко придумала.

Довольная своей сообразительностью, Катя как вихрь влетает к подруге. Домработница Даша мгновенно уничтожает следы грязи на мраморном полу. Машин холл – это просто вынос мозга, никак не привыкнуть. Все белое, куча стекла и металла, а в самой середине – огромный камин ручной работы, из грубых кирпичей, с открытым пламенем, притягательным, ничем не огороженным и не защищенным. Фантазия какого-то безумно талантливого дизайнера. Эх, надо и у себя нечто подобное замутить в холле, все-таки очень эффектно смотрится!

Сама хозяйка не менее колоритна. Черные наращенные волосы неправдоподобной длины, бутафорские ногти и ресницы, картинно изломанные нарисованные брови – все это ее несколько не украшает, а скорее делает похожей на ведьму. На тошную некрасивую ведьму, ухмыляется про себя Катя.

– Привет, подруга! Ну и холодина на улице!

– А ты чего не на машине? Пешком шла что ли? – голос Маши звучит как-то капризно и даже недовольно.

– Да решила Ивана не беспокоить по мелочам, а сама я плохо умею, ты же знаешь. Боюсь. Решила вот прогуляться.

– Ясно. Ты это, отвыкай так с прислугой. Он там сидит, чтобы тебе комфорт обеспечивать. Совсем ты их распустила. А водить я тебя, хочешь, научу. Будешь сама ездить, если он тебя напрягает.

– Ой, Маш, спасибо конечно, но боюсь, не дано.

– Да? А я вот люблю ездить, стресс снимает.

– А ты чего не в настроении? Или мне показалось?

– Да тут, Кать, такое дело...

(О боже, она уже все знает про измену Глеба. Поэтому такая мрачная. Опоздала ты, Катерина, со своими новостями).

– В общем, я ложусь на операцию. 20 декабря.

(Что??? Пожалуй, не стоит ей пока говорить, нервировать лишний раз, у человека и так проблемы со здоровьем).

– Что-о-о-о?

– На операцию ложусь, говорю. На ринопластику. Нос исправлять буду, достало меня все. Помучаюсь пару дней, потом зато с нормальным носом жить буду.

– Ты когда это задумала? Что-то я раньше от тебя этих разговоров не слышала. Ты, Маш, кончай фигней страдать. Нормально у тебя все. (Ну допустим, ненормально. Допустим, даже все совсем плохо. Но зачем??? В фотомодели готовится? Так это не только нос рихтовать надо. И главное для чего? Ведь все у девки есть, а Глеб и так схавает).

– А что тут обсуждать, а??? Ты бы пожила в моем теле, все поняла бы сходу. Хорошо быть такой ладненькой да складненькой и рассуждать. Потому и не говорила – знала, что начнешь отговаривать. А теперь я решила, окончательно.

– Ой, ну это твое дело, не буду я отговаривать. (Очень надо. Хочешь идти под нож – иди). А какой ты хочешь делать – маленький-курносый или более классику? (От любопытства у Кати аж дыхание сперло. Интересно, что из этого получится???)

– Мне доктор сказал, что совсем маленький не подойдет. У меня лицо вытянутое, будет непропорционально. Будем убирать горбинку, убирать асимметрию, утончим кончик немного. Ничего радикального. Не бойся, узнаешь меня. Майклом Джексонном не стану.

– А это хоть не опасно?

– Ну как тебе сказать, 90% актрис и моделей прошли через это и все живы. С идеальным носом мало кто рождается, тебе вот повезло только. Но я считаю это того стоит. Надо работать над собой и исправлять свои недостатки. Все равно прибегнуть к хирургии рано или поздно придется – лично я не собираюсь в 50 ходить с обвисшей мордой шарпея и морщинами. Значит, подтяжка будет по любому. Так что – одной операцией больше, одной операцией меньше...

– Не знаю, Маш, живут же люди как-то без этого...

– Какие люди? Тетки с рынка? Офисная обслуга? Нет, подруга, это не наш уровень. Ты тоже к этому придешь, вот увидишь. Это по молодости у тебя все зашибись, а потом все равно придется. Девочки молоденькие не дремлют, таких как твой Вадик, к рукам прибрать. Это в наших кругах он, скажем так, не принц, а для птушниц всяких – олигарх. Тебе сдавать позиции нельзя, ни в коем случае, ты с возрастом должна становиться только лучше. Иначе вылетит в два счета с теплого местечка.

Вся кровь прилила к лицу, Катя вздрогнула. В таком тоне подруга с ней еще не разговаривала.

– Маша, моего мужа зовут Вадим, а не Вадик. Для тебя он может и не принц, а меня вполне устраивает. И в отношениях у нас все хорошо, дай бог каждому.

(По крайней мере, с посторонними девицами Вадик замечен не был).

– О господи, я что, тебя обидеть хотела, что ли? Конечно, все у вас хорошо, еще бы было не хорошо, ты же у нас красotka! Я просто знаю, что такие как ты, от природы красивые, потом расслабляются, а возраст – он берет свое. Тебе двадцать, а мне двадцать четыре, и я уже вижу у себя кое-какие изменения и делаю кое-какие процедуры. Сейчас тебе еще рано, но главное – не упустить момент. Иначе потом сложнее будет. Я тебя запишу к своему косметологу, профилактика – наше все.

– Да не обижаюсь я. Я знаю, ты мне добра желаешь. Если бы не ты и твои советы, чтобы я здесь делала одна. Ты меня, можно сказать, в люди вывела.

(Как же, черта с два. Нервы свои вымещает перед операцией. Над прислугой своей издевайся, стерва. Все-таки порой Машка бывает невыносима. Жаль, что других подруг у Кати здесь нет).

– Ладно, ты на меня сегодня не обращай внимания. Нервничаю, вот и несу всякое... Страшно мне, Кать. Я таких ужасов про наркоз начиталась, что кровь стынет. И про галлюцинации, и про то, что будешь все чувствовать, а пошевелиться не сможешь. Вот честно, не была бы такой страшной, забила бы на все. Боюсь я, спать не могу, кошмары снятся, что я лежу парализованная, а мне нос отрезают... Быстрее бы это все уже произошло, и закончилось. Никогда в больнице не лежала, здоровая как лошадь, и вот приходится...

– Да, общий наркоз – это стремно. Я когда беременная ходила, так боялась, что придется кесарево делать. Так может не надо? Маш, может тебе прическу поменять? Челку там выстричь, лицо совсем по-другому смотрелось бы.

– Да не хочу я всю жизнь за волосами прятаться! Я, может, хочу – волосы наверх и зализать. Косички заплести. Достало все время с этими шторами ходить, чтоб хоть как-то внимание от носа отвлечь. Устала я от них. Чужие волосы, на голове тяжесть. Только без них я вообще страшная.

– Маша, ты не страшная, ты своеобразная просто. Ну не могут же все быть одинаковыми, как куклы. У тебя свои сильные стороны. Они все на одно лицо, а ты вон какая, ни на кого не похожая.

(Волосы это конечно что-то с чем-то. Ну так в глаза бросается, что не свои).

– Не отговаривай, я все решила. Будь что будет.

– А ты хоть клинику нормальную выбрала? Все разузнала? Просто тут недавно совсем было... Ты говоришь, наркоза боишься, что чувствовать все будешь, но это же, Маш, не самое страшное еще...

– Да знаю я, что было! Что я новости не читаю. Говорю же, не сплю уже две недели... Как назло: я собралась делать рино, и девка померла от наркоза. Но так ведь, если подумать, то и на самолете летать опасно, а на машине – я молчу, сколько аварий. Так из дома можно не выходить. Клиника солидная, врач проверенный. А с таким носом мне все равно не жить.

– Ну, если уж на то пошло, живут и не с таким носом... (О, боже, идиотка, она думает – сделает нос, и мужики на нее смотреть станут... да ей все перекраивать надо, от и до!). Не это в жизни главное. В конкурсах красоты ты участвовать вроде не собираешься, а Глеб тебя и так любит.

– Зато я себя не люблю! Много ты знаешь! Думаешь, почему у меня зеркал так мало в доме? А????!!!! Я же тебе сказала: не отговаривай, не трави душу! Никакой поддержки от тебя!

– Маш, да не заводись ты. Я ж за тебя переживаю. (А вдруг действительно помрет, дурочка? С кем тогда Кате общаться в этом поселке? С жиру бесится, бабла и так полно, спать с противным Вадиком не нужно ради благосостояния. А Глеб все равно ее не полюбит. Дура!)

– Я сейчас все равно не живу – существую. Все, Кать, проехали. Пошли я тебе покажу, что купила вчера.

(Хочет уже соскочить с этой темы, что ж, намек понят).

Нехотя Катя плетется за подругой в гардеробную. Сейчас будет хвастаться очередной тряпкой. У нее их целый этаж. И все эксклюзивы по баснословным ценам. А зачем? Никуда не ходит, сидит дома вечно. И внешности ее ничто уже не поможет. Вот, вытаскивает очередное платье, украшенное черепами из стразов.

– Оригинал?

– Нет, подделка. Не видишь что ли, вон бирка, вон сертификат.

– А у нас продают разве оригиналы?

– Места надо знать. Шучу. Знакомая в Москву ездила, я попросила привезти. Что поде-лаешь, раз в такой дыре живем. Приходится из Москвы заказывать. Я тут еще сумку из-за гра-ницы жду, очередь очень долго подходила. К новому носу все это надену и в свет выйду! А то засиделась уже!

– О, Маш, неужели та самая??? Ну ты даешь!!! Меня Вадик так не балует конечно.

– Твоему Вадику сколько? Тридцать пять? Развернется еще, мой папаня думаешь сразу таким стал, как сейчас. Мы тоже по-разному жили.

– Да ладно, я не жалуясь, это я так. Будет у нас все, Вадик новое направление развивает, отдельно от партнера. (Сучка зажавшаяся. Намекает, что Катя с Вадиком – голь по сравнению с ней. Знала бы она как простые люди живут! Хотя откуда ей знать, она из этого поселка раз в полгода выбирается.)

– Давай лучше выпьем шампусика, снимем стресс. Даст бог, все у нас будет, у тебя – деньги, а у меня – красота! С тебя тост! Даша!!!

(Нет слов! То есть это она прямым текстом говорит, что у Кати с Вадиком нет денег!)

– Давай! За твою будущую красоту! Чтобы все прошло гладко! (Фигушки я тебе что скажу! Пусть тебе твой Глеб и дальше изменяет!)

Домой Катя шла как оплеванная. Даже интрижка Глеба полностью вылетела из головы. В глазах стояли слезы, а злой ноябрьский ветер больно хлестал по пылающим от злости щекам. Выпитое шампанское лишь усиливало обиду.

Впервые подруга дала Кате понять, что та ей не ровня. Да просто открытым текстом сказала: мол, нет у тебя, Катюня, денег. И эту культовую сумку ты себе не закажешь. И даже на это платье за «сколько-то там» штук выпрашивать придется долго и нудно. Потому что ты, Катерина, подстилка без роду и племени, а я, мол, дочь богатых родителей. Операцию еще собралась делать, небось, в самой дорогущей клинике по высшему разряду.

Задетое самолюбие настолько затуманило Катин разум, что даже сам факт операции казался ей поводом для зависти. Тратит деньги, не считая, еще десять операций легко сделает. А ее Вадик за копейку удавится.

Казалось бы, жена бизнесмена, коттедж, прислуга. А тут завела как-то Катя разговор об увеличении груди. Захотелось ей быть не просто милой девочкой, а настоящей женщиной-вамп. Так Вадик весь ошетинился и заявил, что только через его труп. Доказывал, что его, дескать, все устраивает. Только Катя не дурочка, операция денег стоит и не малых. А этого жмота часто душит жаба костюм себе приличный купить. Катя даже не знает: сколько у него на счетах, где они, какая доля в бизнесе...

У нее есть карта, на шмотки-салоны-рестораны хватает – и ладно. А все крупные покупки – только по согласованию с Вадиком. Еще подгадай, когда у него хорошее настроение. Всей ювелирки: кольцо помолвочное – одна штука, кольцо обручальное – одна штука. Потому что Вадик, видите ли, не любит тратиться на бесполезные вещи. Вот как бывает в жизни, кто-то ублажает противного толстого мужлана, и еще попробуй, выпроси у него что-то действительно ДОРОГОЕ, а кому-то все на блюдечке да с голубой каемочкой. Конечно, Машка это все на нервах наговорила, но от этого менее обидно не становится.

Стоит ли говорить, что домой Катерина вернулась мрачнее тучи. Сердито отмахнулась от няни и домработницы, даже не поздоровавшись с бедными женщинами, отпихнула тянувшего к ней ручки сына. Быстро поднялась по лестнице и закрылась в спальне. Сучка высокомерная, ничем не лучше выскочек из интернета! А Глеба таки надо вывести на чистую воду. Уж она постарается!

4

Маша смотрит из окна ВИП-палаты и думает: что если ...? Недавно в соседнем городе девушка погибла во время пластической операции. Кто-то расценил бы это как знак свыше и отказался от задуманного. Но не Маша. Во-первых, она привыкла добиваться поставленных целей. Целей у нее было не так много, но шла она к ним твердо. Во-вторых, чем жить так...

Машина жизнь превратилась в ад уже давно, хотя мало кто со стороны догадался бы об этом. Кому придёт в голову, что эта обеспеченная молодая девушка каждый день сторает на медленном огне?

Она еще была счастлива во времена влюбленности в Глеба, во времена первых робких шагов навстречу друг другу. Она была счастлива, когда они только начинали жить вместе. Но Глеба она уже давно не любит, если когда-то и любила, а скорее просто приняла банальное увлечение за ТУ САМУЮ любовь. Когда пелена рассеялась, остались люди, которым удобно друг с другом, и только. Ему – из-за ее денег, ей – потому что он стал кем-то вроде компаньона, предельно удобного и выдрессированного под себя.

Повзрослевшая Маша прекрасно отдает себе отчет в том, что интерес к ней со стороны Глеба был исключительно меркантильным с самого начала. И ей это давным-давно безразлично. Когда-то задевало, сейчас просто принимается как данность. Собственно, как могло быть иначе? У Глеба есть глаза.

Когда-то в институтской группе он был единственным мальчиком, а она, Маша – самой «упакованной» из многочисленных девочек. И, пожалуй, одной из самых некрасивых, хотя она тогда мало думала об этом. Вечеринки, клубная жизнь, модные шмотки, да что там, марка ее машины способствовали тому, что ухажеров вокруг нее было много, а об их качестве и истинных намерениях Маша не слишком задумывалась.

Пожалуй, Глеб стал ее первым серьезным увлечением. Начав жить вместе, оба бросили институт: Машины родители как раз перебрались за границу, так что никакого контроля. Родители Глеба и вовсе непонятно где. Изучение финансов и банковского дела интересовало обоих одинаково мало.

Глеб просто бредил своим бизнесом, и Маша, естественно, дала денег. Для этого ей пришлось продать машину. Она тогда еще была влюблена... Родителям, приехавшим в гости, соврала, что разбила. Получила в подарок еще лучше прежней.

А дальше все как-то пошло по накатанной колее. Глеб сутками пропадал в автосервисе, институт брошен, интересов мало. Были подруги, но какие-то поверхностные. Тут и началось проклятое самокопание. А потом и крыша поехала не спеша.

Свою болезнь Маша мысленно называла «боязнь зеркал», ведь именно это было основным симптомом. Нет, она и раньше догадывалась, что не красавица. Никогда ей в голову не пришло бы попробовать себя в качестве, скажем, актрисы или модели. Но было одно важное «но»: неудачная внешность не отравляла ей жизнь. Не мешала ходить на свидания, развлекаться, ходить по клубам и всячески получать удовольствие. Одежду, обувь и сумки Маша покупала с упоением, нисколько не задумываясь о том, что даже самая красивая вещь не «играет» на ней так, как надо. У нее была стремительная, лихорадочная жизнь и мало времени на рефлексии.

Все началось после того, как отношения с Глебом перешли в фазу стабильности. Эйфория исчезла, началась притирка, и открылись глаза на кое-какие не слишком приятные вещи. Так, Глеб никогда не целовал ее первым. Никогда не пытался к ней невзначай прикоснуться, и вообще, в том, что касалось интима, инициатива исходила исключительно от Маши.

А как часто она ловила его взгляд исподтишка в сторону какой-нибудь смазливой барышни! При том, что она, Маша, идет рядом, и он знает, что она видит. И все равно не может

удержаться, чтобы не выхватить взглядом хоть кусочек красоты. О, как он яростно это отрицал! Он был готов клясться жизнью, мамой, жизнью своей мамы, что все не так, что ей показалось, и вообще в целом мире для него существует только она. Но чем пафосней и высокопарней были клятвы, тем меньше верила им Маша.

Она начала подолгу и придирчиво рассматривать себя в зеркале. Если раньше она лишь мельком бросала взгляд на свое отражение и, удостоверившись, что косметика не поплыла, тут же переключалась на что-то другое, то теперь она могла выстаивать перед безжалостной зеркальной поверхностью часами.

Она пробовала сотни вариантов укладок и макияжа, благо времени у нее было предостаточно. Иногда ей казалось, что вот, вот оно счастье, надо просто причесываться вот так, а глаза подводить вот эдак – и она почти красотка. Но длилось это недолго: через несколько дней выяснялось, что она просто не во всех ракурсах себя рассмотрела. И в профиль эта прическа выглядит кошмарно, акцентируя и без того длинный нос.

Тогда Маша пошла по другому пути. Что толку пытаться замаскировать свои недостатки, если можно их исправлять? Начала она с того, что превратила свои жидкие больные волосики в шикарную гриву ниже попы. Волосы здорово отвлекают внимание от недостатков лица. Далее – косметология. Дорогие уколы сделали лицо более подтянутым и симметричным. Нарощенные ресницы и татуажные брови добавили лоска, а гель в губы – сексуальности.

Чувства к Глебу хоть и остыли, но улучшение внешности уже успело стать привычкой. Маша даже не знала, для чего ей это. Она не интересовалась мужчинами. Она знала одно: она хочет быть красивой, любой ценой! Жизнь почти наладилась, Маша была почти довольна собой. Именно в этот период она и познакомилась с Катькой.

С Катькой, которой не то, что наращиваться и подкалываться, краситься необязательно. Которая выглядит на все сто с вымытыми мокрыми волосами. Которую заметно в любой толпе, в любой одежде, на которой сразу и безошибочно останавливается взгляд любого мужчины.

Маша тянулась к красоте, к тому, чего у нее не было, Катя – к роскоши. Так она и взяла шефство над этой «золушкой». Маше льстило, что подруга без ее совета и шагу ступить не может, а еще ей нравилось подбирать для Кати одежду – просто дать полет фантазии, не стесняя себя никакими рамками, что этот цвет не пойдет, а этот фасон изуродует фигуру.

Кате шло все, а Маша просто получала удовольствие от процесса, так как подбор одежды для себя давно превратился в мучительную и изощренную пытку. Катка оказалась довольно милой по характеру, за советы благодарила и вообще всячески смотрела Маше в рот. И это не могло не льстить, так как в чем-в чем, а в одежде и стиле Маша разбиралась.

Когда сидишь дома и не имеешь определенных занятий, лучшая подруга необходима как воздух. Вместе они объездили все магазины, ходили на фитнес, в салоны красоты и загорали в солярии. Посещали рестораны, кинотеатры и иногда ночные клубы. Назревала идея совместно съездить на отдых.

И все бы ничего, все бы замечательно. Да только глядя на Катину кукольное личико и ладную фигурку, Машу все больше точил червячок. И все чаще в голову закрадывались странные мысли.

«Красота – это не ухоженность и не „шмотки“. Не удачная прическа, не умение себя подать. Красота – это что-то неуловимое, но постоянное как мироздание, то, что отнять очень сложно или почти невозможно. Ведь Катку даже налысо побрей – она все равно будет красивой. А будет ли хоть когда-нибудь красивой она, Маша?»

Стоя возле горячей батареи, глядя из окна на черные голые ветки деревьев на фоне скудного декабрьского снега, Маша в который раз задает себе вопрос: так что же сыграло ключевую роль? Зависть к подруге?

Да нет, как можно всерьез завидовать новоиспеченной жене бизнесмена средней руки, которая может в любой момент вылететь из уютного гнездышка. Пусть Катя хоть тысячу раз

красавица, ее положение шатко, очень шатко. Ни за что Маша не хотела бы оказаться на ее месте.

Так может она идет на это ради Глеба? Тоже нет, на Глеба ей давно плевать. Живет с ним просто потому, что удобно. Он подкаблучник, приспособленец, готов за ее деньги стелиться как угодно, но она к нему привыкла, он стал чем-то вроде родственника. Но чтобы перекраивать себя в надежде ему понравиться – нет, нет и еще раз нет.

Далеко идущих планов, связанных с внешностью, таких как «стать звездой экрана», у нее тоже не имеется.

(Ну хоть себе-то не ври, а! Прекрасно ты знаешь, что тебя сюда привело. Без веских причин на такое не идут. Страх, страх заманил тебя сюда. Ты боишься... Ты реально, без всяких метафор БОИШЬСЯ своего отражения. Проходя мимо витрины, ты никогда не повернешь головы. Когда моешь руки, склонившись над умывальником, ты поднимаешь голову медленно-медленно, и до последнего не решаешься встретиться лицом к лицу сама с собой.

Это твоя жизнь, Маша, и она страшнее ночного кошмара. И поэтому ты хватаешься за любую соломинку, за любую самую призрачную надежду стать хоть чуточку лучше... Сейчас, на пороге то ли новой жизни, то ли окончательной гибели уже можно признаться себе в этом.

Признаться себе в том, как ты себя ненавидишь, как ты противна сама себе до дрожи. Признайся, признайся, ведь ты можешь выдержать свое отражение только в полумраке ванной комнаты. И то если ракурс выгодный. Все остальное – яркий дневной свет, расставленные повсюду зеркала, зеркала, зеркала, вспышки фотоаппарата, обилие отражающих поверхностей вокруг и многие другие совершенно обыденные вещи – все это причиняет тебе невыносимую, почти физическую боль.

И поэтому ты сейчас здесь. И в глубине души ты все равно не веришь в успех. И о самом худшем исходе ты думаешь даже почти с облегчением).

Задумавшись, Маша теряет счет времени. Она так и стоит, замерев у окна, глядя на неприглядный, не то еще осенний, не то уже зимний пейзаж. Мелькает мысль, что она сама вот так же не определена, не закончена, не прорисована до конца. Как будто скульптор начал работу и забыл или не захотел ее завершить. Эти черты, которые она едва различает в поверхности идеально отполированного оконного стекла, невняты и негармоничны.

Вот Катя – та выверена до миллиметра, выточена в каждой детали. Над ней скульптор постарался на славу. А Маше приходится самой отдиравать от себя лишние куски, истекая потом и кровавыми слезами. Черт, ну и аллегория, хоть фильм ужасов снимай. Да уж, она держалась все эти недели, не давала себе раскиснуть, и вот, остались считанные часы до начала новой жизни, а она стоит у окна и не может заставить себя сдвинуться с места.

... В таком состоянии ее и нашел Глеб. Так как времени до операции оставалось еще порядочно, видимо решил навестить. Да пошел он, ни малейшего желания поддерживать какую-либо беседу, смотреть по сторонам, да хоть пошевелить пальцем у Маши нет. Она так и стоит как истукан, уделяя вошедшему Глебу внимания не больше, чем мебели.

– Ну и что ты киснешь? Машка, тебе уже наркоз ввели? Или операция уже была, а результат не нравится? Дай-ка, по-моему, очень миленько получилось. Не сильно отличается от твоего старого носа, но так даже лучше. Ты у меня красавица, ничем не испортишь!

(Вот зря, зря ты это сказал! Почти развеселил, поднял настроение шуткой и под конец – такая фальшь!)

– Маша, ну что за упадочничество? Ты боишься? Ты передумала? Ты же так этого хотела, осталось совсем чуть-чуть, просто заснешь и проснешься уже в своей кровати, ну мне-то поверь, это совсем не страшно, мне в детстве аппендицит вырезали, прикольно даже, необычно, после операции конечно хреново, но это недолго. Оглянуться не успеешь – будешь как новенькая!

– Я устала, как ты не понимаешь, я так устала, что значит «буду как новенькая», да после операции мои мучения только начнутся, опять другое лицо в зеркале, я когда губы увеличила – неделю на себя смотреть не могла, просто не могла, казалось, что все стало еще ужасней, чем было, а тут нос, я не смогу, я устала, я сигану из окна прямо в этой палате, если опять будет лажа...

– Маша, это уже какой-то поток сознания. Что значит лажа? Врач хороший? Хороший. Клиника проверенная. У всех отличный результат – с чего бы у тебя вдруг лажа? Ты когда в самолет садишься – ты думаешь, что он упадет? Или ты садишься за руль и думаешь про аварию?

– Ты не поверишь, я себе те же доводы приводила, вот дословно, уже две недели, но это-то тут причем??? Не о жизни и смерти речь идет, пойми. А о том, что опять все будет зря, и опять будет уродство, и ради чего я вообще мучаюсь? Я никогда не стану такой, как например, Катька! Да что ты понимаешь?!!

– И много ты операций уже сделала? А? Ни одной? Хочешь перекрыть себя от и до? Слушай, Машка, не дури. Ты сначала дождись результата, приходи в себя после операции, а потом выводы делай. Ты уже красивая, пойми ты это! Если ты так хочешь сделать этот нос, ну сделай и успокойся, и при чем тут какая-то Катька?

– Катька, Катька, а то ты ее не знаешь! А то я не видела, как ты об нее глаза полируешь!

– Поймай, какая Катька-то, Катька, блин, Катька... Что за наезды? Не помню я никакой Катьки!

– Не помнишь жену нашего соседа по поселку, Вадима? Да вы с ней разве что на брудершафт не пили! Блондинка, стройная, красивая!

– Эта Барби недоделанная что ли? Да я вообще забыл, как ее там зовут! Так она же тупая как пробка! В голове – две извилины, в глазах – ни мысли. Этот рот вечно полуоткрытый дебильный. Впрочем, для Вадика сойдет. И что, ты вот как она хочешь стать?

– А причем тут ее интеллект? Да, она не доктор наук! Зато она красивая, красивая, она всем нравится, вы все на нее пялитесь, поголовно, и ты тоже, а передо мной тут строишь из себя правильного, да когда вас бабский ум интересовал, вам совсем другое нужно!

По щекам текут слезы, Маша дает волю эмоциям, которые она подавляла несколько недель, с того самого момента как решила на операцию окончательно. Но они никуда не делись, ждали своего выхода. Классическая тактика Глеба: сначала раззадорить ее, раздражить, дать выплеснуть все что накопилось. А потом уже пожалеть и приласкать.

Маша рыдает в голос, прижавшись к Глебу, он как заведенный твердит, что она самая лучшая-прелучшая и никакая Катька ей и в подметки не годится, как впрочем, и все остальные. И в этот момент Маше почти хорошо, хотя она отлично понимает, что Глеб, как всегда, врет. Но есть же у него талант ее успокоить! Ему в психотерапевты надо было идти, а не в бизнесмены.

Дальше все идет как по маслу. Спокойная, как будто опустошенная Маша легко отдается в заботливые руки врачей, которые, в свою очередь, делают все от них зависящее, чтобы переход в иное измерение был максимально комфортен и скор. Ей велено считать до десяти, но она не успевает. Перед глазами плывут какие-то круги, узоры, замысловатые и многоцветные. Небытие блаженно как долгожданный сон.

...Выныривая из темноты уже в палате, Маша не успевает осознать, что же было, как будто секунда прошла. Первая мысль: я жива! Все-таки инстинкт самосохранения – сильная штука и, несмотря на недавние суицидальные мысли, Маша радуется жизни как в первый раз. Сказать, что ей плохо – ничего не сказать. Ее как будто разрезали на куски и сшили заново. Тяжелая повязка давит на лицо, дышать можно только ртом. Перед глазами пелена, заботливая

сиделка, суетящаяся поблизости, расплывается и двоится. Ну что ж, теперь можно и отдохнуть, слава богу, в ближайшие несколько дней смотреться в зеркало ей ни к чему.

5

И вот, настал, наконец, тот день, когда Катя твердо решила поймать подлого изменщика Глеба с поличным. Тем более, подруга сейчас в больнице, проводить вечера вне дома Кате запрещено, а она, между прочим, всем своим существом жаждет бурной деятельности. Так почему бы и не поиграть в детектива, не проследить за Глебом и его кудрявой нимфой? И Машку на место поставить, наконец.

План был готов уже давно, и прост как все гениальное. Еще несколько дней назад Катя позвонила Глебу и поинтересовалась, до скольки его заведение будет работать двадцать пятого, мол, у нее есть одна подружка, блондинка-блондинкой, в машинах совсем не разбирается, надо ее проконсультировать по одному вопросу. Но она может приехать только вечером, так до скольки вы работаете? Ага, отлично, я передам, она постарается в этот день успеть, а нет – так завтра или послезавтра. Ну а потом передумает подружка, с Катерины взятки гладки.

Вторая часть плана – за час до назначенного времени подъехать и караулить Глеба, пока он не выйдет из здания. Раньше он вряд ли уйдет, он трудоголик, как и все, кто недавно открыл свое дело. А в том, что он не упустит возможности провести вечер со своей мадам, Катя не сомневалась ни секунды. Машка в больнице, предпраздничное настроение, не поедет же он куковать дома в одиночестве.

Катя предусмотрительно выбрала для слежки личную машину Ивана, старенькую иномарку. Иван, естественно, давно был введен в курс дела. Бедная, бедная Маша, скоро вся наемная обслуга поселка узнает о твоём позоре, но стоило ли быть такой важной? Стоило ли указывать лучшей подруге на ее место? Впрочем, это не месть. Кате действительно интересно, абсолютно по-детски интересно, что за девица и насколько серьезно у них с Глебом все. Она бы, конечно, все выяснила в любом случае.

Итак, натягиваются узкие джинсы, волосы быстро заматываются в пучок на затылке, накидывается легкая дубленка, в которой будет удобно долго сидеть в машине. Катя достаточно уверена в себе, чтобы и в простой одежде, без тщательной укладки чувствовать себя на все сто. Да и перед кем красоваться, перед Иваном что ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.